

Васильев Дмитрий Валентинович

д-р ист. наук, профессор, доцент

Мазаев Никита Андреевич

студент

ГАОУ ВО «Московский городской
педагогический университет»

г. Москва

DOI 10.31483/r-97333

СТОЛЫПИНСКИЕ РЕФОРМЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОСМЫСЛЕНИЕ И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ

Аннотация: большое количество исследований по столыпинским реформам не означает исчерпанности темы. Особенно в отношении окраин Российской империи. Анализ историографии столыпинских преобразований в Центрально-Азиатском регионе важен с точки зрения преодоления исторического ревизионизма, вольной интерпретации и манипулирования фактами. Основным методом статьи является историографический анализ, которому подвергнуты отечественные и постсоветские зарубежные исследования. В результате среди значительного массива выделены отдельные исследовательские направления, а также показан уровень современных исследований темы. Сформулирована позиция авторов, которая сводится к убеждению, что российское правительство, реализуя идеологию столыпинских реформ, стремилось законодательно закрепить за коренным сельским населением Центральной Азии положение ординарных жителей империи. Вместе с тем реализация преобразований имела неоднозначный эффект: вместе с ускорением процесса седентаризации и ломкой традиционного уклада местного населения происходил общий упадок его уровня жизни.

Ключевые слова: столыпинские реформы, Российская империя, Центральная Азия, Туркестанский край, Степной край, казахи, узбеки, туркмены, киргизы, переселенцы, крестьяне.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-09-00078.

Очевидно, что столыпинские реформы оказали весьма серьезное влияние не только на жизнь внутренней России. Административно-экономические преобразования сказались и на судьбе центральноазиатских владений империи. Прежде чем говорить о нашем понимании смысла планировавшихся и реализованных изменений, следует дать обобщенный очерк советской и современной историографии вопроса.

Стоит заметить, что проблематика столыпинских реформ довольно широко распространена среди трудов ученых как советского, так и постсоветского периодов. Тем не менее, анализ историографии столыпинских реформ в Центрально-Азиатском регионе важен не только для ознакомления с различными точками зрения и прослеживания историографической динамики, но также и для преодоления исторического ревизионизма, вольной интерпретации и манипулирования фактами.

Условно все труды, посвященные исследуемой теме, можно разделить на несколько направлений. Первое представлено работами, в которых Российская империя воспринимается как угнетатель, эксплуататор, который подвергал угрозе сам факт существования местного населения – так называемая концепция империи как «тюрьмы народов». Большое количество работ, начиная от ранних советских и вплоть до середины двадцатого столетия, представляют именно эту тенденцию. Другое направление трактует пребывание центральноазиатских территорий в составе единого государства как «наименьшее зло». Его сторонники признают некоторые положительные факторы, ставшие следствием взаимодействия цивилизаций, с сохранением, тем не менее, общей негативной характеристики имперского периода. Третье направление восходит к позднему советскому периоду (1970–1980-е гг.) и сохраняется вплоть до настоящего времени. Важным является то, что его приверженцы признают значительное цивилизационное вли-

яние Российской империи на окраины и более объективно рассматривает происходившие процессы, не стремясь при этом всецело подгонять факты под искусственные политические конструкторы.

Первое направление широко представлено как довоенными советскими работами, так и некоторыми послевоенными и даже современными монографиями и учебниками. Одной из первых работ здесь стала книга С.А. Асфендиарова «История Казакстана (с древнейших времен)» [3]. В ней временной период, который относится к проведению аграрной реформы и активизации переселенческой политики, отдельно не выделен и входит в главу «Восстание 1916 года». Он освещен довольно кратко, с незначительным упоминанием нескольких политических фигур [3, с. 230–231].

Уже 1950-е гг. была опубликована академическая «История Узбекской ССР» [13]. Здесь дана довольно жесткая и конкретная характеристика – в период столыпинской реакции правительство устроило настоящий колониальный грабеж Туркестана. Политика государства была антинародна и антинациональна. В подтверждение этого авторы приводят то обстоятельство, что в регион активно проникали иностранные капиталисты, которые стремились стать монополистами во всех основных сферах хозяйства и промышленности [13, с. 284]. Одной из косвенных форм реакции царского правительства была активизация переселенческой политики. Авторы констатируют, что снятием запретов на переселение малоземельного и безземельного крестьянства, государство лишь способствовало росту революционных настроений на окраинах. Чиновники собственными руками создавали и усиливали классовую дифференциацию на окраинах. При этом обстановка на местах выселений также не улучшалась [13, с. 286].

В академическом труде по истории Киргизской ССР подчеркивалась борьба местного населения с реформами Столыпина, следствием чего стало сохранение общинной формы землевладения. В северной части Киргизии и южной части Казахстана существовало два основных переселенческих района: Семиреченская и Сырдарьинская области. Авторы подчеркивают, что у местного населения отби-

рались сотни тысяч десятин земли, пригодной для земледелия и жизнеобеспечения. Авторы приводят в пример жалобу жителей Дмугальской волости Пишпекского уезда от 1908 г, в которой те жаловались, что земля, на которой жили их отцы и деды и которую они облагородили своим неимоверным трудом, была отнята властями. А жителям предложили переселиться в горы на камни и утесы, где они не могли заниматься в полной мере ни земледелием, ни скотоводством [11, с. 295–296]. Тенденция к усилению социального расслоения укреплялась как среди местной, так и в переселенческой среде, что резюмировало попытки реализации столыпинских реформ как провал [11, с. 299–300].

К этому блоку научных исследований примыкает и учебное пособие Е. Абиля «История государства и права Казахстана» [1]. Здесь аграрная политика царского правительства напрямую связывается с деятельностью П.А. Столыпина. Утверждалось, что она привела к изменению демографической ситуации в ряде областей в Казахстане. Переселение более 1,3 млн русских и украинских крестьян в край активно способствовало обезземеливанию местных жителей, что, в свою очередь, вело к усилению национально-освободительного движения.

Другое направление в историографии этого вопроса, в основном, включает в себя работы второй половины двадцатого века. Но оно продолжено в трудах ряда современных ученых. Некоторое ослабление политического детерминизма в начале этого периода далеко не сразу изменило предшествующую историческую парадигму. Тем не менее общим для этих работ является то, что автор (авторский коллектив) выделяет столыпинские преобразования в отдельный период в истории всего Центрально-Азиатского региона и посвящает ему целую главу. Историки выводят из тени конкретных лиц, олицетворявших имперскую политику в крае, уделяют внимание их месту в иерархии и взаимоотношениях с другими чиновниками, обращают внимание на противоречивость и разногласие в политике различных органов власти и управления. Все это в совокупности делает научные труды более объективными и несколько выводит их из-под устоявшейся в историографии предшествующих лет конъюнктуры. Но стоит подчеркнуть

лейтмотив всех работ этого направления: Российская империя остается олицетворением зла, но наименьшим из возможных.

В коллективном труде ученых Туркменской ССР этот период характеризуется как «золотой век» для банкиров, различных фирм и предпринимателей, сидевших на шее у крестьянства. На фоне русских дельцов выделялись местные, которые совершенно бесцеремонно обращались с простыми работниками и сдирали с них все до последней нитки [12, с. 316]. Отдельно отмечалось то обстоятельство, что налоговый пресс в Туркестане был завинчен сильнее, чем где-либо еще, однако это никак не останавливало царское правительство от желания осуществлять новые поборы [12, с. 316]. Авторы утверждали, что в период «столыпинской реакции» власти целенаправленно провели целый ряд мероприятий, направленных на усиление национального гнета и урезание и без того незначительных прав местного населения [12, с. 318]. В подтверждение этого они привели распоряжения от 1908 г. об отмене права выбора казиев, а также правила о начальных училищах для инородцев и правила о мусульманских училищах Туркестанского края. Введение последних, в общем, трактовалось авторами как стремление затормозить развитие учебного дела в Туркестане.

В издании Академии наук Казахской ССР массовое переселение крестьян в Сибирь и Казахстан рассматривается как составная часть столыпинской политики [7, с. 518]. Авторы подчеркнули, что в Казахской степи у местного населения осуществлялась экспроприация земли для нужд переселенцев. Обезземеленные местные жители писали коллективные жалобы и прошения, в том числе и на имя П.А. Столыпина, который готов был к применению силы для подавления недовольств [7, с. 520]. Авторский коллектив утверждал, что царское правительство, стремившееся решить таким образом аграрный вопрос, не только не смогло найти выхода, но и усугубило сложившуюся ситуацию. Даже для переселявшихся крестьян организация хозяйства было убыточным и многие из них были вынуждены возвращаться обратно. Все это, по мнению авторов, свидетельствовало о крахе аграрной политики Столыпина, в центре которой было создание в сельской местности прослойки кулацких хозяйств.

Основным занятием переселенцев было земледелие. Землю они получали целыми общинами с правом бессрочного пользования. Зерновое земледелие приобрело товарный характер. Следовательно, увеличивалось количество зажиточных крестьян, которые и эксплуатировали наемных рабочих, и арендовали земли у бедных, а также выдавали ссуды. Найм на земельные работы существенно разнился в зависимости от того, какой вид хозяйствования преобладал – оседлый (земледельческий) или кочевой (скотоводческий). Это, в свою очередь, говорило о неравномерном развитии капиталистических отношений в Казахской степи, которое, по мнению авторов, шло медленно [7, с. 527–529]. В более позднем академическом труде по истории Казахстана отмечалось, что препятствием для осуществления переселенческой политики был кочевой образ жизни, а потому его надлежало уничтожить, а кочевья радикально сократить (до размера земледельческого надела) [8, с. 408].

Целый ряд более поздних работ, принадлежащих историком постсоветских государств региона, продолжил эту историографическую традицию. Так новейшее академическое издание по истории Казахстана утверждает, что целью столыпинской реформы в Туркестане было усиление переселенческого движения [9, с. 598]. В этом труде подчеркивается, что не все экспроприированные земли заселялись сразу – многие из них планировалось занять лишь через 10–15 лет [9, с. 599]. К тому же, по мнению авторов, в крае в целом творилась неразбериха с выделением участков для переселенцев. При этом одна из ипостасей реформ, которая состояла в создании фермерской прослойки общества, оценивается авторами позитивно. При этом авторский коллектив отметил, что в условиях тогдашнего Казахстана реализоваться ей было не суждено [9, с. 600].

Реформа наделного землевладения, получившая название Столыпинской, зафиксирована в энциклопедическом справочнике по истории Казахстана [10, с. 527]. Она описана в самом общем виде и, более того, основными районами переселения названы Сибирь и Дальний Восток. Это может вызывать вопросы к авторам: считают ли они активное переселение крестьян в Казахские степи частью столыпинских преобразований?

Одной из современных фундаментальных работ по интересующему нас периоду является книга Султана Акимбекова «Казахстан в Российской империи» [2]. По его мнению, эти реформы должны были способствовать выделению из крестьянства самой активной его части. Они должны были решить вопрос недовольной деревни путем ослабления консолидации крестьянских масс. Аграрная реформа задумывалась как катализатор усиления противоречий между слоями крестьянства и, как следствие, снижения его революционных настроений [2, с. 420].

Дополнительным фактором, который должен был играть ту же роль, автор называл переселенческую политику. Однако, в отличие от рассмотренной советской историографии, Акимбеков указывает на противоречия, которые возникали между туркестанской администрацией и переселенческим управлением. Он говорит о резком возмущении против хищнической политики изъятия земель у коренного населения, которая велась неподвластным генерал-губернаторской власти органом. Местная власть утверждала, что благополучие российских подданных не могло быть построено на насильственной экспроприации земли у казахов [2, с. 421–422].

Автор утверждает, что модернизационные процессы, которые происходили в Туркестане и в Казахской степи в частности, можно связать не только с нуждами переселенцев, но, теоретически, и с нуждами местного населения, особенно оседлого. Однако изъятие орошенных и обработанных земель препятствовало процессу седентаризации, а также противоречило заявленной политике Российской империи. Таким образом, слой крестьян-переселенцев приобретал больше значение, чем оседлые и оседавшие казахи. И, как следствие, капитализм в казахском обществе развивался под постоянной угрозой ограничений со стороны государства. Автор указывает даже на противоречия в самом российском законодательстве. Он утверждает, что изменения в землепользовании местного населения должны были рассматриваться только после его поземельного устройства. Государству следовало распоряжаться землями, оставшимися свободными после оседания кочевников. В таком случае власть могла решить две проблемы сразу –

поспособствовать оседанию кочевников, а также расселению переселенцев [2, с. 424]. Но, как говорит С. Акимбеков, никто никогда так и не предпринял практических шагов по землеустройству крестьян. Вместе с тем он отмечает, что естественным был тот факт, что первоочередной задачей для России было решение аграрного вопроса, а потом уже проблем населения окраин. Он прямо говорит, что модернизация окраинных земель вовсе не стояла на повестке дня, тем более что для этого не было выработано единой стратегии [2, с. 430].

Третье направление в историографии ставит своей целью попытку объективного отображения политики Российской империи в Центральной Азии без опоры на устоявшиеся политические конструкты.

Одной из таких работ является статья Д.Я. Фризена «Актуальные проблемы исследования аграрных отношений в Западном Казахстане XIX – начала XX века в историографии Республики Казахстан» [14]. Автор считает, что при постепенных мерах активизации переселенческой политики было возможно расселить хлынувший в Казахскую степь поток крестьян. Если бы этот вопрос начал разрабатываться еще в XIX столетии, то, вероятно, удалось бы избежать столкновений с местным населением. Однако стихийность переселения не оставляла возможности для справедливого решения аграрного вопроса. Это и является, по словам автора, главной ошибкой при претворении переселенческой политики в жизнь. Автор обращает внимание на то, что объективные методы исследования данного вопроса еще не выработаны. Он отмечает, что в работах четкая логическая последовательность в оценке материалов должна превалировать над духовно-нравственными умозаключениями. Необходимо искать возможные позитивные и негативные последствия проводившихся преобразований, а также отойти от исключительно негативной оценки аграрных реформ царизма, поскольку они притягивали в регион большое количество разнообразных специалистов. Но при этом ни в коем случае не следует забывать о негативных сторонах этого процесса. Главным выводом является необходимость выработки новых методов для проведения подобных исследований.

В работе М.Г.-Н. Габдсаттаровой [5] отмечается то обстоятельство, что в годы столыпинских реформ Россия принесла в регион немало новшеств. Автор видит цель преобразований в формировании крестьянства как крепкого, благополучного класса. Несмотря на то, что существовавшая тогда система переселения в итоге оставляла многих крестьян разоренными, все же, по мнению автора, пришлое население сыграло положительную роль в развитии сельского хозяйства в Казахстане (ускорение перехода к земледелию, появление в крае новых видов сельскохозяйственных орудий и т. д.). Вместе с этим она подчеркивает взаимовлияние двух цивилизаций на быт, культуру, приспособление к новым условиям существования и сосуществования. В период реформ активизировалось научное исследование региона, стали появляться светские школы.

Попыткой объективного подхода к вопросу о землеустройстве в Казахстане в начале XX в. является статья Н.Е. Есетова [6]. Автор отмечает противоречивость проведенных в регионе реформ. По известным причинам она не смогла создать основу для прогрессивного и интенсивного развития сельского хозяйства как в переселенческих, так и в местных хозяйствах. Однако большинство населения перешло или находилось в активной стадии перехода к оседлому образу жизни, а дальнейшее социально-экономическое развитие региона стало прямым следствием столыпинских преобразований.

Авторы настоящей статьи придерживаются позиции, высказанной в статье одного из них, в которой документально обосновывается мысль о том, что российское правительство стремилось законодательно закрепить за местными податными землевладельцами положение ординарных жителей империи (крестьян). Решая вопрос о новом законодательстве для региона, царское правительство главной своей целью видело организацию общественного управления в регионе идентичным управлению крестьянскими обществами внутренней России. Признавая аульное общество хозяином занимаемой земли, Петербург намеревался передать решение поземельных вопросов аульным съездам, предоставив «каждому кибитковладельцу самостоятельно сдавать в аренду земли, находящи-

еся в его исключительном пользовании, с ведома аульного съезда», что открывало дорогу развитию земледельческого предпринимательства. Наконец, одним из существенных аспектов грядущих преобразований должна была стать отмена ограничений выборного начала и полное уподобление процедуры избрания должностных лиц казахского общественного управления порядку, установленному для крестьян. Но, вместе с тем, автор отмечает, что стремление к проведению в жизнь столыпинской земельной политики имело неоднозначный эффект: вместе с ускорением процесса седентаризации и ломкой традиционного уклада местного населения происходил общий упадок его уровня жизни [4].

Приведенный обзор историографии показывает, что историческая наука лишь в последнее время подступила к объективному анализу реализации столыпинских преобразований в российской Центральной Азии, к пониманию ее различных аспектов и перспектив, заложенных в эти реформы. Настало время взвешенных оценок и понимания смыслов преобразований, направленных на модернизацию всех сфер общественной жизни не только внутренней России, но и окраин империи.

Список литературы

1. Абиль Е.А. История государства и права Казахстана: курс лекций [Текст] / Е.А. Абиль. – Караганда: ТОО «Учебная книга», 2005. – 256 с.
2. Акимбеков С. Казахстан в составе Российской империи [Текст] / С. Акимбеков. – Алматы: ТОО «Институт Азиатских исследований», 2018. – 562 с.
3. Асфендиаров С.А. История Казакстана (с древнейших времен). Т. 1 [Текст] / С.А. Асфендиаров. – Алма-Ата: Казакстанское краевое издательство, 1935. – 259 с.
4. Васильев Д.В. Реорганизация казахского общественного управления в контексте столыпинской аграрной реформы / Д. В. Васильев // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2019. – №4 (32). – С. 80–89 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vestospu.ru/archive/2019/articles/6_32_2019.pdf

5. Габдсаттарова М.Г.-Н. Модернизационные процессы в России в начале XX в. и формирование этнической картины казахстанского общества [Текст] / М.Г.-Н. Габдсаттарова // Человек в условиях модернизации XVIII–XX в.: сборник трудов конференции (Институт истории и археологии УРО РАН). – Уфа: БашГУ, 2015. – С. 266–272.

6. Есетов Н.Е. Проблемы землеустройства в Казахстане в начале XX века [Текст] / Н.Е. Есетов // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и образования: сущность, концепции, перспективы: материалы VII Международной научно-практической конференции. – Саратов: Саратовский источник, 2019. – С. 95–100.

7. История Казахской ССР [Текст]: в 2-х т. Т. 1 / Академия Наук Казахской ССР. Институт истории, археологии и этнографии. – Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1957. – 609 с.

8. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней [Текст]: в 5 т. Т. 3: Присоединение Казахстана к России. Социально-экономические отношения. Революционное и национально-освободительное движение в канун Октября / Академия Наук Казахской ССР. Институт истории, археологии и этнографии им Ч.Ч. Валиханова. – Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1979. – 544 с.

9. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней) [Текст]: в 5-ти т. Т. 3: Казахстан в новое время / Министерство образования и науки Республики Казахстан, Национальная академия наук Республики Казахстан. – Алматы: Атамұра, 2000. – 768 с.

10. История Казахстана. Энциклопедический справочник [Текст]. – Алматы: ТОО «Аруна Ltd.», 2010. – 632 с.

11. История Киргизской ССР (с древнейших времен до наших дней) [Текст]: в 5 т. Т. 2: Добровольное вхождение Киргизии в состав России и его прогрессивные последствия (Разложение патриарх.-феодал. и развитие капиталист. отношений, 1855 – март 1917 г.) / Академия Наук Киргизской ССР. Институт истории. – Фрунзе: Кыргызстан, 1986. – 477 с.

12. История Туркменской ССР [Текст]: в 6 т. Т. 1. Кн. 2: С начала XIX века до Великой Октябрьской социалистической революции / Академия наук Туркменской ССР. Институт истории, археологии и этнографии. – Ашхабад: Издательство АН Туркменской ССР, 1957. – 531 с.

13. История Узбекской ССР [Текст]: в 2-х т. Т. 1. Кн. 2. – 2-е изд., испр. / Академия наук Узбекской ССР. Институт истории и археологии. – Ташкент: Изд-во Академии наук Узбекской ССР, 1956. – 497 с.

14. Фризен Д.Я. Актуальные проблемы исследования аграрных отношений в Западном Казахстане XIX – начала XX века в историографии Республики Казахстан [Текст] / Д.Я. Фризен // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – №9–1. – С. 178–182.